

АДАМ БРАУН
КАРЛИ АДЛЕР

КАРАНДАШ НАДЕЖДЫ

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ
О ТОМ, КАК ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК
МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ МИР

30

ЛЕТ
ПРЕЖДЕ ЧЕЛОВЕК
НАЧЕЛ СДЕЛАТЬ
МИР ЛУЧШЕ

Адам Браун
Карли Адлер
**Карандаш надежды. Невыдуманная
история о том, как простой
человек может изменить мир**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9991060

Карандаш надежды. Невыдуманная история о том, как простой человек может изменить мир /

Адам Браун, Карли Адлер; пер. с англ. В. Горохова: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2015

ISBN 978-5-00057-555-0

Аннотация

Эта книга – вдохновляющая история Адама Брауна, который в 25 лет обменял свою успешную карьеру на большую мечту – дать образование детям бедняков – и за 5 лет построил более 300 школ по всему миру. Если у вас есть большая мечта и вы хотите изменить мир, книга покажет вам, что нужно делать.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Эту книгу хорошо дополняют:	5
Введение	6
Мантра 1	8
Мантра 2	13
Мантра 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Адам Браун, Карли Адлер Карандаш надежды. Невыдуманная история о том, как простой человек может изменить мир

ADAM BRAUN

with Carlye Adler

THE PROMISE OF A PENCIL

HOW AN ORDINARY PERSON CAN CREATE EXTRAORDINARY CHANGE

Издано с разрешения Scribner, a division of SIMON & SCHUSTER, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».

© GoodPenny Ventures LLC, 2014

Photograph © Nick Onken

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

* * *

Эту книгу хорошо дополняют:

БУДЬ лучшей версией себя

Дэн Вальдшмидт

Оставь свой след

Блейк Майкоски

Больше добра – больше прибыли

Идо Леффлер, Лэнс Кейлиш

Доставляя счастье

Тони Шей

Моим величайшим героям – маме и папе

Не спрашивай себя, в чем нуждается мир.

Лучше задумайся, что оживляет тебя самого, а потом возьми и сделай это.

Мир нуждается в оживших людях.

Говард Турман

Введение

В один солнечный осенний денек, незадолго до своего двадцатипятилетия, я вошел в крупный банк в родном городке. В то время мне казалось, что у меня есть все, что нужно для счастья: жизнь, работа, квартира. Гардероб был набит солидными деловыми костюмами, а на визитке красовалось название престижной компании, которая всем внушала уважение, где бы я ни появлялся. Я выглядел парнем, который идет в жизни по верному пути и, скорее всего, заглянул в банк, чтобы внести на счет зарплату.

Но в глубине души жизнь, к которой я так стремился, перестала меня радовать. Я служил единственной цели – личной выгоде. Счастье испарялось день за днем, хотя я и старался не подавать виду. Ночью я просыпался от беспокоящего внутреннего голоса, твердящего, что, если обрести смысл жизни, деньги не будут иметь значения. Он твердил, что я реализуюсь намного полнее, если начну мерить жизнь целями, а не долларами. И нечего откладывать: сейчас – идеальный момент, чтобы погнаться за самыми смелыми мечтами.

Бывает, что желание настолько тебя переполняет, что, кажется, ему тесно внутри тебя. Именно так я чувствовал себя в тот день. Мне хотелось стать частью чего-то большого, простирающегося далеко за пределы моей досягаемости. Меня пугало, что придется сойти с безопасного пути, но надо было обязательно посмотреть, что будет, если вступить наконец на неизведанную территорию, где обитают неизвестные возможности и неукротимые стремления.

Самое ужасное – то, что я совсем не был успешным бизнесменом, много раз создававшим и продававшим компании. У меня за плечами не было ни долгой карьеры, ни опыта, гарантировавшего успех. Не было у меня и многомиллионной финансовой поддержки. Я был просто обычным парнем с 25 долларами в кармане, который решил доказать, что изменить мир может каждый, а возраст, статус и место жительства – не помеха. Именно поэтому я, надеясь когда-нибудь построить школу, положил на счет минимальный вклад. Все, что было потом, – результат этого первого шага. От моего прыжка в неизвестное пошли круги по странам и континентам.

С тех пор я активно занимаюсь образованием в глобальном масштабе. Я убежден: то, с чего человек начинает в жизни, не должно определять, как далеко он пойдет. И нет инструмента, глубже влияющего на возможность изменить свое место в жизни, чем доступ к качественному образованию. Хорошая новость: дать хорошее образование каждому ребенку на земле мы можем прямо сейчас. Не надо изобретать волшебных вакцин, не надо бурить скважины в поисках каких-то скрытых ресурсов, которых, может, и не существует. Все необходимое уже в нашем распоряжении. Однако, несмотря на это, как минимум 57 миллионов детей все еще не ходят в школу, а многие миллионы просиживают в классе каждый день, но так и остаются неграмотными.

Образование – непростая тема, требующая сложных комплексных решений. На вопросы, связанные с обучением детей, нет единственно верных ответов. Тем не менее глобальный образовательный кризис продолжает оставаться самой важной проблемой прав человека нашей эпохи и одновременно самой решаемой. Понимание, что решение *существует*, вселяет в меня надежду и чувство цели. Но, конечно, одиночке не по силам решить мировые проблемы. Необходимы коллективные усилия, и каждый из нас может сыграть свою важную роль.

Эта история – о том, что происходит, когда человек признаёт, что способен на большее, и еще о том, что изменить некоторые вещи в этом мире можно без огромных ресурсов, о том, что откроется перед вами, когда к вам придет вдохновение и вы поймете, какие щедрые

и непреходящие награды дает жизнь, полная смысла. Я рассказываю о своей жизни (хотя по просьбе нескольких героев книги я изменил их имена), но то же самое может произойти с каждым.

Все 30 глав я озаглавил мантрами. Они были для меня путеводными маяками, когда надо было принимать решения – большие и маленькие. Они стали моими важными истинами. Я привожу их в надежде, что читатели передадут их дальше, поделятся ими; что мои мантры помогут и вам на вашем пути. Каждая история самостоятельна, но все вместе они складываются в карту, которая, надеюсь, позволит вам воплотить свои мечты.

Если какая-нибудь из этих историй зажжет искорку в вашей душе, прислушайтесь к этому беспокоящему чувству. Разум советует от него отмахнуться, а сердце – прислушаться. Самая большая разница между людьми, живущими для воплощения своей мечты, и теми, кто вечно хочет, но ничего не делает, – решение раздуть из той самой первой искры стремление немедленно действовать. Сделайте первый шаг, а потом идите по следу, который вы хотите оставить после себя. В груди каждого человека скрыто пламя великих перемен. Надеюсь, что моя книга поможет вам разжечь его.

Мантра 1

Зачем быть как все?

Хотя мест за обеденным столом никто официально не назначал, все мы знали, как рассаживаться в канун шаббата¹. Во главе стола сидел папа, мы с братом – по его правую руку, а мама и сестра – слева от него. Для встречи субботы к нам обычно заходили в гости друзья и родственники. Каждую неделю состав действующих лиц слегка менялся, но накал дискуссий оставался неизменным. И чаще всего жар исходил прямо от главы семейства.

Папа слыл в городке суровым родителем. Он был тренером и игроком почти во всех видах спорта – баскетболе, бейсболе, американском футболе – и всюду добивался большого успеха. По его мнению, детей в нашем городке баловали, и он всегда говорил им об этом. «Нельзя быть изнеженными слабаками!» – кричал он на двенадцатилетних ребят в моей баскетбольной команде. Хвалил он нас очень скупно, зато эта похвала имела цену. Он хотел, чтобы мы ее заслужили – стойкостью, добросовестным трудом, – и за это дети его любили и побаивались одновременно. Папа был поборником классической дисциплины и не стеснялся это показывать.

Когда мы с братом и сестрой стали подростками, он придумал специальные кодовые слова, которыми предупреждал нас, что мы вот-вот перейдем черту, которую переходить не стоит. Когда они звучали в разговоре, за обеденным столом или на людях, это значило: «Последнее предупреждение. Не злоупотребляй моим терпением». Скотт, мой старший брат, был типичным первенцем и обожал ставить под сомнение отцовскую власть. Ему в качестве такого пароля достались «сливки». Моим было «мороженое», а младшей сестре, Лайзе, достался «шоколад». Если мы втроем плохо себя вели, выводили маму из себя и были в шаге от трепки, отцу достаточно было крикнуть: «Сливочное эскимо!» – и мы тут же останавливались. Правда, теперь мне кажется, что яростный вопль «Сливочное эскимо!» не избавил папу от репутации ужасного родителя среди моих друзей.

Даже в то время мы понимали, что его суровый характер и строгая дисциплина – просто проявление огромной любви. Он хотел выжать из нас лучшее, и у него это получилось. Ни один тренер не спрашивал с меня строже. В последний день чемпионата штата среди четырнадцатилетних у меня поднялась температура, но папа все равно заставил меня сыграть три матча, потому что знал, как сильно я хочу победить в соревнованиях. Но результаты того стоили. И когда я задумываюсь, что именно нас – меня, брата и сестру – мотивировало больше всего, все сводится к фразе, которую папа постоянно повторял и которая не позволяла нам сдаваться. Он обожал напоминать: «Брауны не такие, как все».

Мы знали, что некоторые платят детям за хорошие отметки: 100 долларов за пятерку, 75 за четверку, 50 за тройку и так далее. Когда я попросил родителей придумать какую-нибудь награду за результаты в учебе, идею задушили в зародыше.

– Пол Мацца только что получил за хорошие оценки полторы сотни. Может, вы мне тоже что-нибудь дадите? – намекнул я.

– Брауны не такие, как все. Мы благодарны тебе, этого достаточно.

На Хануку² нам дарили подарки не восемь вечеров подряд, а только четыре, а взамен четырех оставшихся мы выбирали благотворительную организацию, в которую родители

¹ В иудаизме – суббота, седьмой день недели, в который Тора предписывает воздерживаться от работы. *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

² Иудейский праздник свечей, которые зажигают в честь чуда, происшедшего при освящении храма после победы войска Иегуды Маккавея над войсками царя Антиоха в 164 году до н. э. Все восемь дней Хануки у детей каникулы, им принято дарить деньги и игрушки.

жертвовали от нашего имени. Когда мы спрашивали, почему половина наших подарков идет на благотворительность, родители отвечали просто: «Потому что Брауны не такие, как все».

У большинства друзей были высокотехнологичные игрушки и игровые приставки, а нам велели читать книги и играть на свежем воздухе. Наши мольбы и доводы всегда наталкивались на один и тот же ответ: «Брауны не такие, как все». Папа не считал, что мы лучше других, просто хотел, чтобы его дети стремились соответствовать более высоким стандартам.

Этой фразой мама с папой не только оправдывали особый подход к воспитанию, но и хвалили нас, когда мы проявляли смелость и шли против течения. Когда кто-то из нас заступался за одноклассника, родители выражали свое признание словами: «Знаешь, почему ты это сделал? Потому что Брауны не такие, как все». Детям не нужно ничего, кроме родительского одобрения, поэтому очень скоро у нас выработалось внутреннее стремление жить, соответствуя идеалам, которые они для нас определили.

В старших классах, прежде чем отпустить нас на вечеринку, отец говорил: «Помните папины правила». Это значило: «Не делай ничего, чего не стал бы делать на глазах у папы. Поступай так, как будто папа всегда рядом».

От нас ожидали совершенства, и это стало стержнем, сформировавшим наши ценности, а ценности определяют, какие решения мы принимаем в жизни. Они были постоянным напоминанием: чтобы достичь чего-то исключительного, надо стремиться соответствовать исключительным стандартам, что бы ни думали окружающие. Мой папа даже заказал для машины номера с буквами YBNML, в которых моим школьным товарищам виделось «Why be an animal?» – «Зачем быть животным?». Истинное значение было более подходящим: «Why be normal?» – «Зачем быть как все?».

Папина энергичность и вера в силу инаковости, несомненно, была порождена жизненным опытом его родителей. Когда бабушке Эве (мы ее звали просто Ба) было 14 лет, ее саму и еще 27 членов семьи, в том числе ее маму и двенадцатилетнюю сестренку, выгнали из дома и заперли в гетто с другими евреями, жившими в их венгерском городке. Оттуда в вагонах для скота их отправили в страшный концлагерь – Освенцим. После прибытия на место людей выстроили перед лагерными врачами и начали распределять налево и направо. Всей бабушкиной семье приказали отойти налево, но сама она была в трудоспособном возрасте, поэтому врач настоял, чтобы ее поставили направо. Она плакала от страха и не хотела разлучаться с мамой и сестрой. Нацисты-охранники били ее до тех пор, пока она не потеряла сознание. Проснувшись, она начала спрашивать других заключенных лагеря, где ее семья. С мрачными лицами ей показали на дымовые трубы. Всю семью отправили в газовые камеры и сожгли в печах в день прибытия в лагерь.

Ба вынесла жестокие условия и бесчисленные смерти окружающих. Она пробыла в Освенциме полгода, потом ее перевели в другой концлагерь. По ее словам, «Берген-Бельзен был хуже Освенцима. Туда попадали только умирать». Но Ба верила, что война кончится, ее будет ждать отец и ей обязательно надо выжить, чтобы у него остался хоть один родной человек. Эта мысль изо дня в день поддерживала в ней дух и помогла выстоять. Благодаря чувству цели она выжила там, где погибли столь многие.

В Берген-Бельзене Ба провела восемь месяцев, до самого конца войны, после чего была освобождена американскими солдатами. Она настолько ослабла, что не могла самостоятельно есть: это спасло ей жизнь, потому что ее кормили медленно и желудок смог приспособиться к твердой пище. Поскольку Ба когда-то чуть не умерла от голода, она никогда бы не допустила, чтобы то же случилось с внуками, и стала почти одержима тем, чтобы мы хорошо питались. Она целыми днями готовила нам куриную лапшу, говяжью грудинку, мороженое в вафлях и шоколад, чтобы в пятницу вечером наполнить наши животики, и,

не отрываясь, смотрела, как мы едим. Как только тарелка становилась пустой, появлялась следующая огромная порция.

– Еще десерт, мои дорогие, – говорила она, одобрительно кивая.

Поправившись, Ба наконец-то вернулась в Венгрию, чтобы найти своего отца. Пассажиры со слезами радости на глазах встречались с близкими, а она оказалась на будапештском вокзале совсем одна. Отец так и не пришел на вокзал – он погиб в трудовом лагере в России. Не пришел никто. Совершенно опустошенная, она позвонила дяде – единственному родственнику, который, как оказалось, смог выжить, и он пригласил ее пожить у него.

Спустя несколько лет дядя предложил Ба познакомиться со своим другом Йозефом, тоже пережившим холокост. Он год пробыл в Дахау, там были убиты его отец и оба младших брата. Красноречие и упорство Йозефа, их общая боль углубили связь между молодыми людьми. Йозеф Браун предложил Эве стать его женой, и вскоре у них родились девочка и мальчик. Их сын, Эрвин Браун, – мой отец. Когда в 1956 году в Венгрии вспыхнул антикоммунистический мятеж, они решили ради безопасности бежать в США. Мой дедушка (мы его звали Апу) первым разведаль путь и ночью перешел через венгерскую границу, а потом вернулся забрать мать, сестер, жену и детей.

Потом они тайком проникли на набитое эмигрантами судно и 13 дней плыли через Атлантику. Первые ночи на американской земле мой отец с семьей провел в Нью-Йорке, в лагере для еврейских беженцев. Благотворительная организация помогла им найти однокомнатную квартиру в бруклинском районе Краун-Хайтс. Дедушка устроился зубным техником и делал протезы, а Ба десять лет работала в каторжных условиях – вязала одежду всего за доллар в день, и все это для того, чтобы обеспечить детям и будущим внукам лучшую долю.

Говорить по-английски без акцента папа научился, прилежно слушая, как американцы произносят слова в телесериалах, например в *The Lone Ranger* и *The Little Rascals*³. Он прекрасно учился, перескочил восьмой класс и поступил в престижную школу *Bronx High School of Science*. Бабушка и дедушка так боялись, что с единственным сыном что-то случится, что не подписали согласие на его участие ни в одной спортивной команде. Поэтому он ждал, пока родители уйдут на работу, а потом украдкой отправлялся играть в баскетбол и американский футбол на городских спортплощадках.

Папины родители всегда мечтали, чтобы он стал успешным зубным врачом. Окончив колледж за три года, папа решил поступить учиться на стоматолога в Пенсильванский университет. Там он познакомился с деревенской девушкой из небольшого городка в горах Катскилл, и эта встреча изменила всю его жизнь. Девушкой была моя мама Сьюзен. Ее отец Сэм бежал из Польши от преследований непосредственно перед холокостом, но умер, когда маме не было и одиннадцати. Воспитывая дочь, бабушка Дороти особенно старалась привить ей моральные качества и гражданскую ответственность. Мамино любимое слово – «честность», именно это ее учили ценить больше всего.

В первые выходные первого курса папа пришел на студенческий вечер и встретил мамину старшую сестру Линн. На следующий день ему показалось, что Линн спускается по лестнице, и он окликнул ее по имени. Но оказалось, что это была не Линн, а Сьюзен, моя мама. Она его тут же отшила, что, конечно, только подогрело папин интерес. Он начал ее буквально преследовать, а после первого свидания заявил друзьям: «Я на ней женюсь».

³ *The Lone Ranger* («Одинокий рейнджер») – очень популярный и один из самых «долгоиграющих» американских телесериалов, стартовал в 1949 году; *Little Rascals* («Пострелята») – телевизионный сборник короткометражных фильмов, выходивших на экраны с 1922 по 1944 год.

Он даже написал это и положил листок в бутылку на каминной полке, где записка пролежала, пока он ее не показал маме на свадьбе.

Когда родители были готовы открыть собственный кабинет стоматологии и ортодонтии, они составили список своих самых заветных пожеланий и на его основе – рейтинг окружающих районов. Самым важным критерием было образование, а лучшие государственные школы сосредоточились в Гринвиче. В этом городке было развито волонтерское движение, что очень привлекало маму, и росло культурное разнообразие, с которым отец хотел познакомить детей. Они взяли кредит и купили дом в Кос-Кобе – исторически итальянском рабочем квартале, населенном в 1950-х работниками, занимавшимися в городке строительством. Когда мы переехали, я был еще маленьким, поэтому мои самые ранние воспоминания связаны с этим районом.

В старших классах я круглый год играл в баскетбол. Однажды в выходные в мою команду пришли два высоких парня-африканца. Они должны были выступать с нами на летних соревнованиях в Олбани. Эти ребята возвышались над всеми остальными – Сэм был почти два метра ростом, а Корнелио – два метра десять сантиметров, но я сразу почувствовал их тепло и доброту. Они родились в Мозамбике и были друзьями детства, а в США попали в поисках образования.

Во время соревнований мы быстро подружились. По дороге домой Сэм и Корнелио спросили, могут ли они пять дней до следующих соревнований пожить у меня дома. У нас постоянно гостили члены команды, друзья и родственники, поэтому мы быстро согласились. Но когда второе соревнование закончилось, они спросили папу: «Можно мы останемся на следующую неделю тоже?»

Сэм и Корнелио должны были вернуться в Филадельфию, где жили последние восемь месяцев, но они категорически не хотели ехать туда даже за вещами. Когда мы спросили, почему, они признались, что их заманили в Америку обещанием потрясающего образования. Их семьи заплатили тысячу долларов за билеты на самолет, но когда мои друзья прилетели в США, их отвезли в каморку в трущобах Южной Филадельфии. «Школа», в которой они должны были учиться, оказалась комнатой на задворках захудалой церкви. Учитель приходил в начале дня, раздавал учебники 25 мальчикам и уходил. Все это было ширмой для афериста, прикидывавшегося баскетбольным тренером, ищущим игроков. Он заманивал детей в Штаты, а потом посылал их играть за колледжи, связанные с обувными компаниями, в зависимости от того, какая из них заплатит больше. Если кто-то из игроков пробивался в Национальную баскетбольную ассоциацию, спонсирующая обувная компания получала «своего человека». При этом никто из ребят не получал настоящего среднего образования.

На вторую неделю пребывания Сэма и Корнелио в нашем доме приехал из колледжа мой брат и отвез их в государственную школу в Гринвиче, куда ходил я сам. У ребят загорелись глаза, ведь в погоне за образованием они преодолели тысячи километров. Увидев шанс воплотить свою мечту, они попросили нас стать их законными опекунами в США, чтобы ходить в нашу местную среднюю школу.

Папа сам в прошлом был иммигрантом, поэтому история мальчиков нашла отклик в его душе. У нас ночевали сотни детей, но в Сэме и Корнелио было что-то особенное. Они были очень искренними и скромными, просто воплощением честности, которая так ценилась в моей семье. Они совершенно покорили маму и сестру. Скотт тоже был в восторге от этой идеи.

Однажды вечером родители пригласили меня поговорить с глазу на глаз. Они передали просьбу мальчиков принять их в нашу семью и сказали, что окончательное решение за мной. «Тебе придется их опекать, помочь им влиться в школу. Весной тебе поступать в колледж, мы

знаем, какая это нагрузка, поэтому тебя это решение затронет в первую очередь. Все хотят их принять, но выбирать тебе».

Если твои предки пережили холокост, ты с детства понимаешь, что когда-то у твоей семьи забрали все. Выжить, а потом радикально изменить свою судьбу помогли им только сила воли, помощь окружающих и стремление к образованию. Волю и жажду учиться Сэм с Корнелио проявили в избытке. Им нужно было просто чуть-чуть помочь. Когда-то люди бескорыстно помогали моей семье, и сейчас у меня появился шанс отдать этот долг.

Тем вечером я сказал маме с папой, что тоже за то, чтобы принять ребят, и вскоре родители стали их официальными опекунами в США. Сэм и Корнелио начали ходить в гринвичскую среднюю школу со мной и моей сестрой и стали нашими новыми братьями.

Встречать субботу мы стали немного по-другому, потому что над столом теперь возвышались два африканца, но истинные перемены были намного глубже. Мои родители дали этим мальчикам невероятную возможность – изменить траекторию их жизни. Но нам они дали нечто большее. Они изменили нас. Они, несомненно, изменили меня.

Я впервые начал осознавать, что где-то за пределами родного города простирается огромный мир. Я стал задумываться: а если бы наши роли поменялись и в Мозамбике выросли не они, а я, – хватило бы мне самому отваги, чтобы покинуть родной дом и отправиться в неведомую страну?

Чем больше я слушал о том, что пришлось преодолеть Сэму и Корнелио, тем больше я узнавал о качествах, необходимых, чтобы изменить свою судьбу. Сэм и Корнелио – единственные в своей семье и среди друзей отклонились от уготованной им участи. Они не подражали сверстникам, а решили быть другими. Сделав это, они доказали, что борьба, самопожертвование и служение цели могут невероятно изменить человека.

Мантра 2

Выйди из зоны комфорта

Где бы человек ни вырос, мерило для него – его окружение. Хотя я вырос в семье стоматолога и ортодонта, у многих моих друзей родители занимались банковскими инвестициями, управляли хеджевыми фондами, были CEO⁴ компаний. Уже в детстве мы знали, что в толпе родителей, болеющих за нашу футбольную команду, обычно можно найти несколько мультимиллионеров. Когда я окончательно понял, что одни знакомые семьи зарабатывают огромные деньги, а другие – совсем немного, любовь к соревнованиям и числам переросла в новую страсть – Уолл-стрит. Уже в средней школе я нацелился на работу в области финансов и решил стать миллиардером.

Тогда же я открыл счет на E*TRADE⁵ и начал торговать акциями Gap и Nike. В 16 лет я подрабатывал на каникулах в хеджевом фонде, пытаюсь узнать о финансовых рынках все, что только можно. В 19 лет устроился в фонд фондов⁶ и поехал в Нью-Йорк. Но не для того, чтобы посмотреть город или купить поддельные часы на Сент-Маркс-плейс, а чтобы посетить Нью-Йоркскую фондовую биржу и побывать в торговом зале.

В те же годы у меня проявилась предпринимательская жилка, и я вошел в беспокойный мир малого бизнеса. Первые деньги я заработал в 12 лет физическим трудом – убирал во дворах и переносил мебель за шесть долларов в час. Вскоре я сообразил, что с расцветом eBay стало возможно выпускать компакт-диски с редкими записями концертов и продавать их по 40 долларов за штуку. Я тут же прекратил таскать кресла с газона в подвал и начал делать тысячи долларов в год, рассылая свой товар по всей стране. Родители нам четко объяснили, что нас не будет поджидать целевой фонд и, если мы чего-то хотим, придется заработать и оплатить все самостоятельно. Из-за этого мне всегда было неудобно трудиться только на одной работе, и если появлялась возможность заняться небольшим бизнесом, я постоянно прикидывал, как это сделать.

Желание изучать экономику и заниматься инвестиционным банковским делом привело меня в Университет Брауна. Я был хорошим баскетболистом и получил приглашение от нескольких вузов, но здесь у меня была возможность исполнить свою мечту – играть в первом дивизионе, сочетая это с научными интересами. Я сразу записался на лекции по социологии, менеджменту и предпринимательству, в том числе на менеджерский курс Engineering 90 (который мы нежно называли Engine 90) к профессору Барретту Хэйзелтину – на его уроках родилась компания – производитель напитков Nantucket Nectars. Каждый слушатель курса должен был написать бизнес-план для вымышленной компании, и я впервые начал узнавать деловую изнанку мира менеджмента.

Я уверенно шел к прибыльной работе в области финансов: был студентом, спортсменом, и впереди меня ждало то, что всегда манило: машины, яхты и роскошные особняки. У меня было много забот в кампусе, баскетбольная команда приближалась к одному из лучших сезонов в истории университета, и казалось, что все идет по плану. Друзья и родные

⁴ CEO (от англ. Chief Executive Officer) – высшая исполнительная должность в компании. В принятой в России иерархии – аналог генерального директора.

⁵ E*Trade Financial Corporation – американская финансовая компания со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Предлагает индивидуальным инвесторам брокерские услуги по продаже и покупке акций, облигаций, опционов и других ценных бумаг через электронные торговые платформы или по телефону.

⁶ Инвестиционный фонд, который вкладывает средства в акционерный капитал других фондов. Этот метод иногда называют «мультименеджмент».

считали, что мой великий план прекрасно реализуется, но у меня появлялось все меньше вопросов о деньгах и больше – о цели.

В конце второго курса мой друг Люк, живший в соседнем общежитии, пригласил меня посмотреть фильм под названием Baraka⁷. «Это самый прекрасный фильм из всех, которые я видел. После него ты согласишься на мир по-другому», – сказал он.

Baraka на многих языках означает «благословение». В фильме не было актеров как таковых, не было сюжета, и сначала я вообще не понимал, что происходит на экране, но картина все равно впечатляла. Я увидел серию сцен, снятых по всему миру: захватывающие чудеса природы перемежались с церемониями и местными обрядами. В фильме показали 24 страны – величественные руины Индонезии, поля смерти в Камбодже, красочную толчею Индии.

Одна сцена особенно захватила меня. Множество людей бродили в мутной реке, молились и совершали приношения. Мужчина нес на плечах какое-то украшение, от которого поднимался дым. Женщина дрожащими руками набирала в чашу речную воду, явно благоговя перед ее святостью. По всему берегу горели костры. В последние секунды сцены показалось что-то обугленное. Через несколько мгновений я понял, что это такое, и ужаснулся. С одной стороны было лицо, с другой – нога. Это был сожженный человек.

Меня как будто ударили поддых. Я понятия не имел, где сняли эту сцену и почему все это происходит, но знал, что она настоящая и важная духовно. В голове пронеслась мысль: *если прямо сейчас, в этот самый момент, пока я сижу в общежитии, где-то на планете происходит все то, что я вижу на экране, мне надо обязательно отправиться в эти места и увидеть все своими глазами*. Как можно вырасти в Коннектикуте, ходить в колледж в Род-Айленде, переехать в Нью-Йорк и не увидеть никаких стран, кроме собственной?

Я купил этот фильм и стал приглашать друзей на просмотры. И каждый раз я открывал в нем что-то новое, а желание исследовать необъятные просторы за пределами замкнутого мирка становилось все сильнее.

В интернете я выяснил, где снимали сцену в священной реке. Это оказался город Варанаси, духовная столица Индии, расположенная на левом берегу Ганга. Индуисты обожествляют эту реку, а город, по легенде, был основан самим богом Шивой. В водах Ганга молодые индусы смывают с себя грехи, а старые и больные надеются умереть в Варанаси, чтобы достигнуть нирваны. Я понял, что обязательно должен там побывать.

Почувствовав, что мне нужно время для саморазвития, я ушел из баскетбольной команды и углубился в вопросы духовности и веры. Чтобы разобраться, почему я должен верить именно своей религии, а не какой-нибудь еще, я начал каждую неделю учить Тору под руководством раввина. Параллельно я активно занялся изучением различных верований и духовных течений, часами просиживал в библиотеке и каждый месяц сосредоточивал усилия на текстах новой религии: даосизма, индуизма, христианства, буддизма, ислама и так далее. Я не принимал на веру все то, чему меня учили, а наоборот, подвергал сомнению все свои допущения и решил принять только то, во что искренне поверю.

В отличие от школы, поощряющей конформизм, колледж научил меня, что ставить под сомнение все, что, как мне казалось, я знаю, – нормально, даже желательно. Это было похоже на пробуждение. Я первый раз в жизни начал присматриваться к своим особенностям и интересам и радоваться им. Книги «В дороге», «1984» и «Человек в поисках смысла»⁸, которые я прочел, поощряли индивидуальность и поиск цели в жизни. Я перестал слушать

⁷ Baraka («Барака») – фильм режиссера Рона Фрике (1992). В картине отсутствуют диалоги, закадровый голос, привычный сюжет. Последовательность кадров в сочетании со специально написанной для фильма музыкой создают непрерывную повествовательную цепочку, раскрывая на экране целый мир.

⁸ Речь идет о произведениях Дж. Керуака, Дж. Оруэлла и В. Франкла.

поп-музыку и нашел исполнителей, слова которых действовали так же сильно, как инструментальное сопровождение: Боба Дилана, Ричи Хэвенса и Вана Моррисона. Их песни стали моим Священным Писанием. Передо мной открылось, что успех в жизни не в том, чтобы соответствовать чужим ожиданиям, а в том, чтобы самореализоваться как личность. После двадцати наступает время, когда понимаешь, кем тебе суждено стать, и пробиваешь себе путь. Благодаря прочитанным книгам, музыке и беседам до поздней ночи со знакомыми и незнакомыми людьми я начал творить свою идентичность, не оглядываясь на чужие прихоти и ожидания.

Пройдя через серьезную душевную трансформацию, я стал подумывать о том, чтобы на следующий год провести некоторое время за границей. Я рассматривал варианты в Индии, Южной Африке и Юго-Восточной Азии, но в конце концов папа предложил мне альтернативу: «Присмотрись к программе “Морской семестр” (Semester at Sea, SAS). Один мой пациент недавно вернулся в полном восторге».

Сначала я был настроен скептически, но чем больше вчитывался в программу, тем большее впечатление на меня производила возможность объехать десяток стран, а потом впервые в жизни самостоятельно предпринять путешествие с рюкзаком за плечами.

Я хотел настоящих вызовов. Может, это звучит странно, но мне хотелось на своей шкуре испытать, что такое отсутствие комфорта. Многие мои кумиры – музыканты, писатели, художники – создали выдающиеся шедевры не в состоянии счастья и довольства, а в период борьбы. Большинство моих любимых песен – это гимны, вдохновленные войной, безответной любовью, гражданским протестом.

Многие всю свою жизнь живут, как в пузыре, и окружают себя людьми, которые разделяют их мнение, говорят на одном с ними языке, смотрят на жизнь точно так же. Мы боимся оставить знакомую обстановку, и это нормально. Но только исследуя незнакомое, мы перестаем заикливаться на ярлыках, определяющих, *кто* мы собой представляем, и узнаем, *кто* мы такие на самом деле.

Через месяц я подал заявление на участие в программе «Морской семестр» и был принят. Кроме родителей, я никому об этом не сказал, потому что не хотел, чтобы со мной поехал кто-то из школьных и университетских товарищей. Я их люблю, отношусь к ним с уважением, но в это путешествие решил отправиться в одиночестве. Мне хотелось узнать, как я буду реагировать, когда знакомое прошлое перестанет диктовать шаги к будущему.

В дни перед отъездом я нервно писал в дневнике: «Приключение всей моей жизни начинается... Я оставляю за плечами все: предрассудки, ожидания, комфорт, друзей, семью. Не знаю, как повлияют на меня эти сто дней, но я точно вернусь другим человеком».

Истинное самопознание начинается там, где заканчивается зона комфорта. Оказалось, что у меня она закончилась быстрее, чем я себе представлял.

Мантра 3

Помни, что у тебя есть цель

Лучи восходящего солнца заглянули в маленький иллюминатор, через который всего лишь несколькими часами раньше я смотрел на вздымающиеся вдали десятиметровые волны. Проснувшись, я заметил, что моя койка встала по диагонали. Сама каюта преобразилась до неузнаваемости. Тумбочка, которую я заклеил скотчем, чтобы не слышать стук постоянно открывающихся ящиков, перевернулась набок. По всему полу были разбросаны одежда и учебники. Мой нежно любимый Canon SD300 треснул и валялся там же. Я взглянул на соседа по каюте. Обычно Джарет, полный энергии, яростно писал что-то в своем дневнике, но сейчас он был бледен и скован страхом. Я не мог понять, что случилось, но чувствовал: что-то плохое.

Но по крайней мере перестала болеть голова.

Я забыл взять с собой лекарство от головной боли, поэтому, когда вчера вечером у меня начался ужасный приступ мигрени, проглотил снотворное, чтобы отключиться: я уже принимал такие лекарства в старших классах, когда подолгу не мог уснуть. Но снотворное на этот раз не усыпило меня, а сковало глубоким забытьем и никак не хотело отпускать.

– Что стряслось? – спросил я Джарета и попытался встать. Тут каюта качнулась набок, и мы ухватились за койки.

– Последние несколько часов просто безумие какое-то, – проговорил Джарет испуганно. Я ничего не помнил. Джарет рассказал, что в три часа ночи его разбудил звук перекатывающейся по каюте мебели – столиков, коек, тумбочек. Он вышел в общий зал, где, как ему казалось, будет безопаснее. Большинство наших соседей поступили так же. Через час Джарет вернулся в каюту, чтобы помолиться, записать пару мыслей и проверить, все ли со мной в порядке. Оказалось, что, пока мир вокруг нас рушился, принятое снотворное действовало как надо.

Тринадцатую днями раньше в канадском Ванкувере я вступил на борт круизного судна MV Explorer, горя желанием поскорее начать «Морской семестр». Мы проведем в пути сто дней, обогнем земной шар, откроем сердца культурам четырех континентов. Это будет путешествие всей жизни.

Мы покинули порт и взяли курс на Южную Корею, но вскоре оказались в полосе сильного волнения, вызванного воздушными потоками низкого давления, двигавшимися вдоль ледяной северной границы Тихого океана. Старые корабли «Морского семестра» зимой обычно шли с востока на запад дорогим, но более безопасным фарватером, однако наше судно было совершенно новым, поэтому было решено пересечь Тихий океан в северных широтах.

Дни шли, качка все усиливалась, студенты начали горстями есть таблетки от морской болезни. Тем не менее, несмотря ни на что, наш моральный дух оставался на высоте. Мы ковыляли из класса в класс и вяло шутили, что «учимся ходить, как морские волки». Когда за обедом со стола съезжали на пол тарелки, мы легкомысленно хихикали. Это ведь приключение! Мы – 650 студентов на борту судна водоизмещением 2400 тонн с двумя мощными двигателями – неуязвимы.

Телевидения у нас не было, а интернет работал очень медленно и невероятно дорого стоил, поэтому по вечерам мы развлекали себя сами: читали любимые книги и путеводители

Lonely Planet, играли в настольные игры времен нашего детства, например в монополию и скрэббл⁹, часами разговаривали о Б-ге¹⁰ и гитаристах.

День за днем шторм все усиливался, но мы были совершенно уверены в командире корабля капитане Баззе, седовласом мореплавателе с южным акцентом. Когда он давал команды, мы слушались, а раз он заявил, что мы спокойно пробьемся через надвигающийся шторм, значит, так оно и есть.

Каждый день капитан давал нам свежую сводку погоды и координаты судна. Карты Google еще не вошли в нашу повседневность, поэтому студенты с волнением записывали широту и долготу, чтобы потом с их помощью определить наше положение на настоящей бумажной карте. Администратор (также именуемый деканом по студенческим вопросам), которого мы еще не видели, после обеда связывался с капитаном Баззом по внутренней телефонной связи и давал указания в отношении процедур и мероприятий. За успокаивающие радиосеансы мы прозвали его Голосом. Поздним вечером раздавался громкий звук – «Бим-бом!» – а затем по всему судну эхом звучал Голос.

– Добрый вечер! Прослушайте вечерние объявления, – мурлыкал громкоговоритель, хотя вполне мог бы сказать: «Вы слушаете “Голос”, радио, где много музыки и мало разговоров...» Капитан Базз и Голос не волновались, мы тоже.

Почти две недели мы терпели звон посуды и скользящие стулья, а океан становился все суровее. На рассвете тринадцатого дня плавания, примерно в тысяче километров от берегов Аляски, я пребывал в глубокой дреме после снотворного, а наш корабль вошел в пересечение трех сильных штормов. Вскоре после того, как я проснулся, в громкоговорителе зазвучал потрескивающий Голос.

Бим-бом!

– Доброе утро! – Голос звучал так, как будто всю ночь не спал. – Мы столкнулись с неблагоприятными метеоусловиями и проходим зону очень сильного волнения. Просим всех надеть спасательные жилеты и оставаться в своих каютах. Это простая мера предосторожности для обеспечения безопасности пассажиров. Повторяю: пожалуйста, наденьте спасательные жилеты и не выходите из кают.

Мы с Джаретом переглянулись, нервно улыбнулись и начали рыться в шкафу, чтобы достать наши громоздкие спасательные жилеты. Когда мы вышли из Ванкувера, всех студентов вечером собрали на инструктаж на тему пунктов сбора, куда надо прийти в случае чрезвычайной ситуации. Потом мы тренировались садиться в подвешенные за бортом корабля спасательные шлюпки. Мы нарядились в спасательные жилеты, с интересом включали на них маячки и тыкали друг в друга, пытаясь казаться крутыми. Все было как на первом курсе, и на инструктора никто не обращал особого внимания.

Но сейчас это была не тренировка, хотя ситуацию еще никто не принимал всерьез. Мы с Джаретом застегнули жилеты, встали на матрас и начали наблюдать, как волны за иллюминатором поднимаются все выше и выше. Примерно час мы взлетали и падали вместе с кораблем, как ковбой на брыкающемся мустанге на ярмарке штата. И тут по всему судну прошла вибрация.

– Что-то не так, – с беспокойством сказал Джарет.

Тогда мы еще не знали, что три шторма породили волну-убийцу высотой 18 метров. Она промчалась по океану и врезалась в наше судно со стороны носа. Стена воды вдребезги

⁹ Настольная игра, в которой двое или четверо играющих соревнуются в образовании слов с использованием буквенных деревянных или пластмассовых плиток на доске, разбитой на 225 квадратов. В русскоязычной среде известна под названием «Эрудит» или «Словодел».

¹⁰ Так у автора. В иудаизме принято избегать полного написания слова «Бог» во исполнение третьей из десяти заповедей. *Прим. перев.*

разбила бронированные стекла рубки и залила силовую установку. Ледяная вода замкнула электронику, двигатели умерли, навигационные приборы отключились.

Бим-бом!

Голос говорил так, будто только что пробежал марафон: между каждым предложением он делал глубокий вдох.

– Внимание! Выходите на четвертый ярус и выше! Не пользуйтесь лифтом! Помогайте подняться по лестнице женщинам и детям. Немедленно идите к точкам сбора, не снимая спасательных жилетов!

В грудь ударила тяжесть осознания, и я выдохнул. К горлу из желудка подступила желчь, ноги обмякли, больше не было сил стоять.

Из инструктажа я помнил, что болтающиеся за бортом шлюпки – единственный выход с судна. В таких условиях мы просто не сможем выбраться наружу и погрузиться в них, а надувной плот тут же перевернется. Надежного плана спасения не было.

«Сегодня я умру, – пронеслась мысль. – Еще два часа, и я захлебнусь в ледяной воде».

Я был как в невесомости. Этого не может быть!

«Мы наверняка пойдем ко дну, – думал я. – И я ничего не могу сделать. – Я почувствовал, что начинаю паниковать. – Но за что? Разве для этого я здесь? Чтобы сгинуть посреди океана?» Я закрыл глаза, спросил об этом высшую силу, которой всегда молился, и меня охватила волна спокойствия.

Я был абсолютно уверен, что мой час не пробил. Это было ни на что не похожее чувство. Раньше такого никогда не было. Внезапно я четко понял, что мне предстоит сделать на этом свете нечто больше, чем исчезнуть в пучине. «В 21 год погиб в океане» – не про меня. Не будет бдений при свечах и стипендий моего имени. Я пока не знал, в чем именно мое предназначение, но неожиданно понял, что, во-первых, оно существует, а во-вторых, я его еще не исполнил. Уверенность, что я выживу, пришла так же быстро, как мысль о смерти.

Теперь оставалось придумать, что делать.

Я опять посмотрел в иллюминатор и увидел противника. Мы находились в северной части Тихого океана, почти в тысяче километров от берега, зимой и яростно боролись с волнами. Понятно, что переохлаждения не избежать. Из тренировок отложилось в памяти, что, если придется покинуть корабль, надо надеть теплую одежду с длинным рукавом. Чтобы сохранить тепло, я быстро надел университетские баскетбольные штаны и толстовку с капюшоном. В эту минуту в каюту ворвались мои друзья – Дэйв и Рид.

Дэйв был очень набожным парнем, сыном пастора. Рид родился в Техасе, был настоящим джентльменом-южанином. Джарет – возвратившимся к вере христианином из Стиллвотера в Оклахоме. Поэтому я очутился не просто в компании братьев по оружию, а в настоящей рыцарской дружине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.